

НОДАР БЕРУЛАВА

Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного
Университета (Грузия)

ОБ ОСВЕЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ АРХЕОЛОГИИ АБХАЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.29.08>

(Продолжение, начало в № 28).

В связи с таким безапелляционным суждением, А. Скакову было бы не лишним напомнить, что любое раннегосударственное объединение, любая складывающаяся древняя народность консолидируется вокруг доминирующего элемента, поглощающего этнически родственные и неродственные соседние племенные группы. Этническая монолитность на данном этапе развития практически всегда относительна. Изредка случается, что доминантной в данном процессе становится пришлая, иноязычная и сравнительно малочисленная, но консолидированная и пассионарная группа, которая впоследствии сама растворяется в местном этносе, но создает для него государственные структуры и даже оставляет после ассимиляции свое название (например, норманны-русы, тюрки-булгары, германцы-франки и др.).

Но колхи – определенно не тот случай. Они явно были ведущим этносом в Восточном Причерноморье как по уровню развития и консолидации, так и по демографическим показателям. И если А. Скаков пытается доказать, что картвельский элемент был в античное время лишь одним из многих на территории полиэтнической Колхиды, то как объяснить практически полную картвелизацию территории нынешней Западной Грузии, да и турецкого Лазистана, в последующие периоды? Когда она должна была произойти?

Для нас, однако, важнее то, что автор, несмотря на все оговорки, судя по контексту, все же признает колхов пусть не единственным, но все же весьма значимым этническим элементом в этом регионе. При этом не отрицает, что в их владения входил и центр нынешней

Абхазии – г. Диоскурия (вообще по всем источникам и Пителиунт входил, ну да ладно). Одновременно он также признает, что в смежных районах Абхазии и нынешнего Краснодарского края проживали пусть не собственно колхские, но картвельские племена мосхов. К этому надо добавить и сванов, безусловно, всегда граничивших с зано-колхами с востока, а значит, отличающиеся варианты нагорья восточной Абхазии и смежных районов Сванети («джантух-лариларская культура» по А. Скакову) логичнее всего приписать им.

Племенные группы неясного происхождения (кораксы, колы) он просто «выносит» за пределы Абхазии. Т. е., на территории Абхазии для предков абхазского этноса места практически не остается за исключением верховьев Бзыби или, вернее, междуречья Бзыби-Псоу, причем, возможно, тоже не полностью (отмечается например, что картвелы-мосхи, живут «на границе Абхазии и Краснодарского Края», но неясно, с какой стороны этой границы). Если в вышеописанной ситуации какое-либо абхазо-адыгское племя и вклинилось бы между колхами, мосхами и сванами, то вряд ли оно смогло бы избежать ассимиляции, причем за не столь уж продолжительное в историческом плане время (следует помнить, что прямой потомок собственно колхского языка, мегрельский – самый легкий для изучения в данном регионе, а в конкуренции языков, особенно бесписьменных, это очень весомый фактор).

Но и таких примеров автор привести не может и о наличии абхазо-адыгского элемента даже где-нибудь на окраинах Абхазии вынужден говорить лишь предположительно. Т.е., все отмеченные им на территории Абха-

зии племена выходят либо картвельские, либо неясного происхождения, причем последние занимают лишь весьма скромный кусок нынешней западной Абхазии. Что же касается представителей многих десятков разноразличных племен, сходящихся в начале позднеантичного периода на торговлю в Диоскурию, то кто сказал, что все они пришли с территории Колхиды? Тогда похожая картина была бы не только в Фазисе, но и в Гиеносе, Апсаросе, Трапезунде и др., везде, где были греческие торговцы. Лежащая вне Фазисской магистрали Диоскурия всегда была ориентирована на торговлю прежде всего с севером и после разорения Питиунта, очевидно, была ближайшим удобным торговым пунктом для всего Северо-Западного Кавказа. К тому же, эти сведения относятся уже к другой эпохе, когда бурные этно-политические процессы на Северо-западном Кавказе на рубеже н.э. (наличие которых признает и А. Скаков), безусловно, увеличили этническую пестроту региона.

В главе, названной «Перевальные маршруты через Главный Кавказский хребет» наше внимание привлекла лишь одна мысль автора – о «практической непроходимости для крупных масс кавалерии густо заросшего лесом и прегражденного до недавнего времени непроходимыми скалами, Черноморского побережья», где еще в XIX в., по словам путешественников, «отвесные скалы перегораживали дорогу», «горы, примыкавшие к морю, в редком месте позволяли втащить на них лошадей», «объехать их было невозможно, «дорожка» в горы «в недалеком расстоянии делалась невозможной для лошадей», и т.д. На этом основании А. Скаков, вслед за рядом других исследователей, отрицает существование в древности т.н. «Меото-Колхидской дороги» и считает, что вторгавшиеся с севера кимерийцы и пр. использовали сезонные пути – перевалы Гебеафцаг и Гурдзиафцаг в Раче, а также Клухорский и другие перевалы связывавшие Абхазию и Кисловодскую котловину, к которым лишь в раннее средневековье добавились Мисимианский и Даринский «пути».

В связи с этим хочется задать вопрос не-

много не к месту: а с какой стороны Кавказского хребта формировалась абхазо-адыгская языковая общность? Ведь совершенно очевидно, что складываться одновременно по обе стороны столь труднопреодолимой географической преграды, даже при наличии сезонных путей сообщения с ограниченными возможностями вроде «Меото-колхидской дороги», она не могла. К югу от хребта она, однако, фактически представлена только одним, небольшим абхазским этносом, который к тому же, генетически и антропологически ближе к грузинам. И все попытки найти в южнокавказской топонимике, археологии и т.д., следы проживания в древности родственных абхазам или, скорее, черкесам, этносов (игнорируя при этом, кстати, гораздо более многочисленные данные о грузинских племенах к северу от Колхиды) не отменяют того простого факта, что все остальные народы этой языковой группы живут к северу от Большого Кавказа. Родственные языки же должны формироваться на компактной территории, без столь серьезных внутренних границ и лишь впоследствии, уже окончательно сформировавшись, могут расширить свой ареал, дробиться, полностью или частично перемещаться в другое место и т.д. Так что же является вторичным – поселение абхазов к югу от Большого Кавказского хребта, или черкесов, абазин, адыгов, кабардинцев, джиков, садзов и многих других – к северу от него?

В главе: «Греческая колонизация Восточного Причерноморья» А.Скаков защищает давно поставленный под сомнение в грузинской историографии тезис о полной независимости и полноценности греческих колоний в Колхиде, что логически проистекает из отрицания им наличия в регионе серьезной местной государственности. Свои взгляды на данный сложный вопрос мы уже высказали несколько лет назад в специальной монографии и здесь останавливаться на нем стоит лишь в той степени, в какой он затрагивает основную тему разбираемой статьи – состояния местного общества в рассматриваемый период.

По утверждению А. Скакова, ко времени начала колонизации местной государственности не существовало. Соответственно, не было силы, способной ограничить самостоятельность колоний. Мифическая держава Ая была отождествлена с Колхидой позже, а о существовании якобы разрушенного кимерийцами государства (а не объединения племен)

Кулха ни какой внятной информации нет.

Мы бы остерегли нашего уважаемого коллегу от скороспелых выводов относительно отсутствия элементов государственности в «стране Кулха». Как уже отмечалось выше, насчет разрушения Кулхи кимерийцами трудно что-либо сказать, но страна, в центральные районы которой были города, управлявшиеся царской администрацией, а не вождями и местными царьками (в Илдамуше урарты убили царского наместника – «irdi») и сумевшая оттяпать весьма жирный кусок от находящегося в зените могущества Урарту, может называться государственным образованием, очевидно, с гораздо большей долей вероятности, чем, например, Княжество Само, Русь времен первых Рюриковичей и почти любое из «варварских королевств» пост-античной Европы (включая даже, возможно, державу франков меровингских времен).

В этом смысле советско-российская историография, известная своей политизированностью, отличается двойными стандартами. Например, весьма внушительному гето-дакийскому объединению Берибисты и Децибала в статусе «государства» было отказано в пику строптивому Чаушеску, тогда как не имевшая даже собственного названия и распавшаяся сразу после смерти создавшего ее вождя «Держава Само» объявлялась таковой для умаствления жестоко обиженных в 1968 г. «братьев-славян» (чехов и словаков). Пока государство считалось формой организации только классового общества, наличие государственности на той или иной территории пытались доказать прежде всего по признакам далеко зашедшей социальной дифференциации. Если же внятных сведений о классах в той или иной древней стране не было, то всегда можно было объявить, что она «могла быть просто объединением племен» (впрочем, когда требовалось доказать обратное, то и межплеменные склоки вроде убийства древлянами Игоря могли объявить «антифеодальным выступлением»). Теперь, когда главным признаком государства считается наличие в стране надплеменных общих структур, а классы объявляются вторичным явлением, аргументов против признания государствами (или хотя бы «ранне-государственными образованиями») стран типа Диаохи и Колхиды, практически не остается. Но даже если допустить, что Кулха не вполне отвечала нынешним представлениям о «государстве», почему

сильное, богатое объединение во главе с «царем» не могло послужить основой для мифа о державе Аэта? И если даже, как предполагает ряд нынешних российских ученых, «мифическая страна Айя» первоначально Колхидой не являлась, то разве последующее их отождествление ничего не говорит о международном престиже последней?!

Теперь о том, что . «Во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э. (своего рода «смутное время») материальная культура региона так сильно меняется, что есть все основания трактовать её не как хронологический этап, а как новую культуру, хотя и генетически связанную с более ранними памятниками». Тут не совсем так. Следует учесть, что поселения Гуадику, Красный Маяк и Сухумская Гора существовали еще до VII в. до н.э., но смена населения, какие-либо заметные этнические или демографические сдвиги в античное время в них не прослеживаются.

Далее А. Скаков говорит о том, что Эшерское поселение в эллинистический период представляет собой город с греческим населением, в который, вероятно, переместился центр Диоскурии. Но почему только «с греческим населением»? Эшерский могильник III-II вв. до н.э. – колхский (как и не менее 80-90% эшерской керамики, согласно Г. К. Шамба). Даже Ю. Н. Воронов, также постоянно подчеркивавший колониальный характер данного поселения, вынужден признать на этом основании его «варваризацию» в данный период. Что касается монументальной архитектуры, то в эллинистическую эпоху она везде принимает более-менее греческий облик, даже в неприморском Вани или в скифском Неаполе. Причем, значительная ее часть в Эшере датируется временем Митридата, который создал здесь фактически новый город – военную базу (катоикию). Вероятно, были тут и деревянные постройки более местного облика, (а они обычно бывали даже в действительно греческих колониях) но дерево в местных условиях долго не сохраняется.

Основываясь на сведениях «Политии Фасиан» об основании греческой колонии в Фазисе неким Фемистогором милетским, автор полемизирует с грузинскими учеными, допускавшими существование на местах будущих колоний местных догреческих поселений. Однако, и в этом случае вывод А. Скакова не бесспорен. Догреческое местное поселение в Фазисе (как и Диоскурии) могло быть, а мог-

ло и нет. Могли существовать и поселения городского типа и небольшие поселки, ставшие городами при содействии колонистов. Сведения «Политии фасиан» об основании Фазиса неким Фемистагором говорят об основании греческого поселения, а не поселения вообще, которое вполне могло быть и раньше. Основываясь на столь несовершенной письменной (скорее легендарной) базе утверждать что-либо трудно, пока не найдены сами города. Колониальная практика того времени вполне допускала основание греческого поселения внутри местного, с параллельными городскими структурами и это ничего не говорит ни о степени развития местного общества, ни о степени независимости колоний. Но следует помнить, что единственная (кроме Эшеры) частично раскопаная «греческая колония» в регионе, Гиенос, греческим поселением никак не выглядит, поскольку кроме раковин устриц, которые употребляли в пищу в основном греки и нескольких единиц керамики, там почти не найдено их следов. Да и в Эшере большая часть греческой архитектуры появляется лишь в позднеэл-линистический период, особенно при Митридате, который колхов отсюда просто вытеснил, а их могильник уничтожил. И еще: наличие у той или иной колонии статуса полиса также далеко не всегда говорит о степени ее независимости. В эллинистический период различные цари (как потом и римские императоры) охотно давали городам этот статус и расширяли хоры, попутно, однако, сворачивая их реальную автономию.

Весьма странным представляется нам утверждение А. Скакова о том, что «Уровень знаний греков о Колхиде и, тем более, об её внутренних районах, был невысок. Неслучайным в этой связи выглядит и весьма незначительное количество находок в Колхиде монетных импортов классического и эллинистического периодов». Если раннеантичных импортных монет в Колхиде найдено 24 единицы (что уже не назовешь «весьма незначительным количеством»), особенно учитывая наличие в стране местного платежного средства – «колхидок»), то в эллинистический период статеры Александра, Лисимаха и пр. здесь уже исчисляются сотнями, появляется подражание им местного царя Акеса и даже весьма неплохого качества местные серебряные «колхидки» не выдерживают их конкуренции. Прогресс очевиден и комментарии, по моему, излишни.

Социальное раслоение, по наблюдению А. Скакова, прослеживается в могильниках Абхазии не ранее V-IV вв. до н.э., возможно, под влиянием греческого социума. «К этому же периоду относятся и первые достоверные сведения о возникновении в Западном Закавказье царской власти... Впрочем, и в начале новой эры царская власть установилась не у всех племен Восточного Причерноморья. В частности, Арриан отмечает отсутствие царской власти у саннов».

И здесь не совсем верно поставлены акценты. Доантичная Кулха и Диаохи, где царей упоминали еще ассирийцы и урарты, это тоже Западное Закавказье. А что касается классовой дифференциации, то данной темы мы уже касались. Следует также учитывать, что Абхазия была, очевидно, не самой развитой, северной окраиной Колхиды. Что же касается отсутствия царей у саннов, то это еще один довод против того, чтобы валить все местные племена в одну кучу и судить, в частности, о колхах по гениохам, как это делает А. Скаков вслед за Ю. Вороновым.

Далее автор приводит известные факты истории Колхиды, говорящие, по его мнению, против версии о существовании здесь независимого государства и настоящей местной царской власти: «По сообщению Геродота, колхи и их северные соседи были данниками персов, а Страбон говорит об их вхождении в державу Митридата Понтийского и управления «наместниками» или «правителями» царя. В 83 г. до н.э. колхи восстали против наместников и потребовали от Митридата назначения его сына царем Колхиды. Царство Митридата Филопатора-Филадельфа было недолгим, уже в 80 г. он был обвинен, возможно, не без оснований, отцом в сепаратистских стремлениях и казнен. ...Считающийся скиптоносцем колхов Олтак, согласно Плутарху, происходил из правителей жившего по берегам Метиды племени дандариев, то есть, очевидно, не являлся ни скифом, ни колхом. ... Известны базилевс Ака (190-е – 180-е гг. до н.э.) и поставленный в 63 г. до н.э. Помпеем правителем Колхиды Аристарх, причем и тот и другой чеканили свою монету».

И этот пассаж требует разъяснения. От персов колхи отделались довольно слабой зависимостью, причем недолгой (Геродот уже говорит о ней в прошедшем времени). То, что царствовавший на Фазисе современник Ксенофонта считался «потомком Аэта», указыва-

ет на династические традиции колхов. Митридат, согласно Помпею Трогу, оправдывал захват Колхиды неким «наследством» или «завещанием», якобы дающим ему право на это. «Наследовать» Колхиду Митридат мог только от ее царя, причем царя с достаточно крепкой властью (подобные оправдания захватов практиковали и римляне, да и византийцы также). Т.е. – опять намек на монархический строй в Колхиде. О том же говорят и неоднократно восстания колхов против Митридата с требованием дать им своего царя, к чему они, очевидно, привыкли в предшествующий период. Все это не дает оснований отрицать наличие монархии в Колхиде. Олтак же был чиновником Митридата и мог быть из любого региона его империи. О политическом строе Колхиды в предшествующий период его этническая принадлежность ничего не говорит.

Ака, это, по мнению исследователей, Акусилох, один из гарантов договора, заключенного царем Понта Фарнаком со своими противниками в 179 г. до н.э. А гарантами Фарнак выбирал серьезные государства Причерноморья (Боспор, Синопу и т.д.), но никак не владетелей уровня гениохских царьков. Аристарха же Страбон называет «династом», что тождественно титулу «скептух». Т.е., очевидно – один из местных князей. Он был международно признанным правителем страны, ни в чем не уступая соседним царям. Подобно им он, в частности, посмел не помочь римлянам в войне с парфянами после битвы при Каррах, что указывает на определенную самостоятельность. Факт выпуска им монет (причем со своим именем!) также о многом говорит, поскольку это право римляне давали вассальным царям весьма неохотно. Отсутствие при всем при этом у него титула царя можно объяснить только тем, что он не принадлежал к династии потомков Аэта. Иначе говоря, в столь важном вопросе он, несмотря на все покровительство Рима, вынужден был уступить приоритет местным династическим традициям.

Касаясь вопроса о месте чеканки серебряных монет – «колхидок», А. Скаков пытается примирить две версии – об их эмиссии в греческой колонии Фазисе, или в каких-либо центрах Колхидского царства. Он допускает, «что в какой-либо период Фазис стал столицей полуварварского Колхидского царства. В таком случае было бы понятно, почему Ксенофонт считает правившего в это время потомка Аэта царем не колхов, а фасиан. На том основании,

что Псевдо-Скилак не называет Диоскурию, в отличие от Фазиса и Гиеноса, «эллинским городом», учёный предполагает, что возможно, в какой-то момент и Диоскурия «перестала быть греческим полисом, став резиденцией варварского правителя».

Подобных гипотез можно создать множество. Для нас важнее сам факт широкого распространения колхидок на основной территории страны, при чем далеко не только в приморских городах. Кем бы ни производилась формально эмиссия монет, ясно, что денежное обращение в Колхиде было достаточно развитым. Примечательно, что в Иберии и Албании, где наличие государства в последние века до н.э. никем не оспаривается, даже в этот, сравнительно поздний период нет ничего подобного. Да и в Армении – еще вопрос, хотя она была расположена ближе к центрам античного мира, а при Тигране даже успела побыть великой державой. Это тоже аргумент в пользу относительной развитости колхского общества.

Как видим, А. Скаков, в принципе, не отрицает существования государственности как в р-не Фазиса, так и Диоскурии (при чем во главе с местными, пусть и несколько эллинизированными династами). При этом, как указывалось выше, оба этих города он связывает с этнической территорией собственно колхов. Однако, судя по контексту, он, вслед за Ю. Вороновым, склонен считать это мелкими, «номовыми» образованиями. На это можно возразить, что античная традиция всегда считала Колхиду единой страной, иллюстрацией чему является хотя бы вышеприведенный пример с Савлаком, пусть и основанный на легендарных или полуполулегендарных данных. Согласно ему, труднодоступное нагорье Колхиды («Земля соанов») считалась владением колхских царей, центр которых, однако, находился в другом месте. И после Савлака единая царская власть, пусть и ограниченная усилившимися «скептухами», сохраняется. Все это, конечно же, не исключает возможности периодов временного распада страны или переноса царской резиденции из одного города в другой. Впрочем, факт денежной эмиссии в Фазисе или Диоскурии еще не означает автоматически, что столица в данный период находилась именно в этом городе.

Отдельная глава – «События второй половины IV в. до н.э.» посвящена анализу военно-политических коллизий этого периода.

В это время в северо-западной Колхиде произошли какие-то серьезные вооруженные столкновения, одним из эпицентров которых было Эшерское городище. А. Скаков, вслед за М. Высоким, связывают данные события с проникновением в Абхазию с Северного Кавказа войска меотов, захоронения которых обнаружены к юговостоку от Сухуми. Он склонен разделять версию М. Высокого, считавшего, что меоты были наняты Диоскурией в качестве «пограничной охраны». Основную же угрозу для греков и прочих жителей побережья, по мнению Скакова, представляли активизировавшиеся в тот период племена «джантух-лариларской культуры», которых он связывает со сванами и «фтерофагами», отвергая популярное в абхазской историографии отождествление их памятников с колами и кораксами.

В свое время мы имели возможность коснуться разрушения и освобождения Эшерского городища на рубеже IV-III вв. до н.э., бывшего по версии М. Высокого и А. Скакова одним из основных эпизодов какого-то большого конфликта в Северной Колхиде. Тогда мы были склонны приписывать данное нападение находящимся под боспорским влиянием синдо-меотским, или каким-либо еще северным племенам, с возможным участием боспорских владетелей, вероятно имевших союзников среди местных, сепаратистски настроенных греков. К сожалению, тогда мы не располагали данными о возможном длительном нахождении на указанной территории меотских отрядов, а также – о следах конфликта между «джантух-лариларскими» племенами (т.е., сванами) и населением остальной части Абхазии. Честно говоря, совершенное явно с моря нападение на Эшеру не очень вписывается непосредственно в предложенную А. Скаковым картину конфликта, но его можно так или иначе представить одним из эпизодов «смутного времени», всех аспектов которого мы сейчас уяснить не в состоянии. Однако в целом, думается, можно принять версию М. Высокого и А. Скакова в качестве рабочей гипотезы и посмотреть, к каким выводам она может привести.

Вместе с тем, на наш взгляд, версия эта несколько надуманная. Ее очевидная цель – показать греков Диоскурии, как самостоятельную политическую силу. Однако (если мы ее примем), кто сказал, что нанять меотов могли только греки? Все это вполне вписывается и

в версию о Колхидском царстве. Ведь начало периода эллинизма, по мнению исследователей – время предполагаемого его ослабления, возможно и дезинтеграции. В таких условиях вполне возможна была угроза со стороны вышедших из под контроля сванских (или, по терминологии А. Скакова, «джантухско-лариларских») племен, оспаривавших первенство у колхов. Последующее «могущество» соанов ведь не могло возникнуть на пустом месте и беспроблемными васалами колхов они не были никогда, включая лазский период.

Подобная ситуация должна была беспокоить как греков, так и колхов и обратиться за помощью к меотам могли и те и другие. А могли и сваны, тем более, что большинство дорог, через которые могли прибыть меоты, контролировали они. И, что немаловажно, они располагали золотом для найма. К тому же, отмеченные автором основные следы возможных военных действий выявляются на территории колхов (и греков-колонистов), в то время как меотское влияние чувствуется на границах «джантух-лариларского» и «ингурионского» ареалов. Т.о., сванские племена вместе с меотами вполне могли быть нападающей стороной, а колхи и находящиеся под их покровительством греки (а также – племена «бзыбской культуры») – обороняющейся. Впрочем, если учесть, что нападение на Эшеру явно произошло с моря, проблема должна была быть гораздо шире, включать в себя как элементы междоусобной войны, так и внешние вторжения, привлечение зарубежных союзников и т. п.

В последней главе труда А. Скакова – «Этническая номенклатура региона в начале нашей эры» дана этно-племенная карта региона этого периода. Ученый разделяет мнение о наличии в это время сложных этно-политических и миграционных процессов, приведших к смещению ряда этнонимов Северо-Западного Кавказа и Абхазии на юго-восток и кардинальному изменению этнической ситуации региона. Правда, во второй половине рассматриваемого периода (II-III вв.), он констатирует уже обратное движение – в северо-западном направлении, очевидно, под давлением картвельских племен. А. Скаков придерживается традиционных взглядов на этническую принадлежность перечисляемых Аррианом «раннегосударственных образований», относя лазов к картвелам, а абазгов и ап-силов – к предкам абхазов. Открытым

оставляет вопрос о санигах, связь которых как с позднейшими садзами, так и с какими-либо картвельскими племенами считает неаргументированной. Впрочем, он не исключает «возможность проживания в данном регионе отдельных картвельских племен», одним из которых «могли бы быть свано-колхи Птолемея».

«Свано-колхи» (как, вероятно, и «соаны»), это, очевидно, другое название санигов иначе как объяснить отсутствие последних у Птолемея (как и столь внезапное, полное исчезновение вроде бы мощнейшего в регионе, соанского объединения)? В любом случае, стоит отметить констатацию автором наличия картвельских племен к северу от собственно Колхиды даже в этот период. Эти же данные Птолемея обесценивают замечание автора о том, что сваны якобы граничили с Диоскурией лишь с востока. И сванские и колхские племена жили как восточнее, так и западнее этого города. Авторы, локализирующие санигов западнее Диоскурии, просто не пишут о том, что находилось в тот момент к востоку и северо-востоку от неё. Сванети, или ее часть, вполне могли входить в царство санигов, хотя его центр, возможно, переместился на запад. В любом случае, столь внезапное исчезновение весьма мощного соанского объединения трудно объяснить, если не допустить, что соаны и были санигами.

На этом мы завершаем критический обзор публикации А. Скакова. Подитоживая наши наблюдения, мы признаём, что в целом рассматриваемая статья российского археолога представляет определённый научный интерес в плане постановки и решения тех или иных вопросов этнокультурной истории древней Колхиды и, безусловно, заслуживает внимания.

Как уже было отмечено выше, главной целью автора явно было – показать, что грузины не являются единственными аборигенами Восточного Причерноморья и, следовательно, их претензии на историческое наследие могут быть оспорены. Оспорены, конечно же, прежде всего другими обитателями данного региона – абхазами. В этой связи, естественно, интерес вызывает прежде всего территория между рр. Псоу и Ингури. Именно это является политическим составляющим данной публикации. Чтобы разобраться как всё это удалось А. Скакову, следовало бы с начала разъяснить грузинскую точку зрения на проблему.

Принято считать, что грузины оспаривают право аборигенности и, как следствие – все политические права абхазов в этом регионе, на основании «пришлости» последних. В том числе – и право считать эту страну своей. Однако, в данном положении неверно расставлены акценты. Безусловно, Абхазия является единственной родиной именно для абхазов, когда бы они ни появились на данной территории. И если даже кто-нибудь когда-нибудь сумеет доказать, что предки нынешних абхазов являются относительно недавними пришельцами или, как считает антрополог В. Алексеев, некогда говорили на одном из картвельских диалектов и лишь потом «перешли на адыгскую речь» (что нередко воспринимается, как вариант той же гипотезы), это не отменит того факта, что данная нация в своем нынешнем виде сложилась здесь, когда бы это ни произошло.

Другое дело, что и для грузин, хотя их понятие родины гораздо шире, оно все же включает в себя и Абхазию, причем для их малой части – Абхазию в первую очередь. И грузины, соответственно, являются здесь не диаспорой, а коренным населением, пусть и не единственным коренным. Право на такое отношение грузинам дает история данного региона, где грузинский элемент присутствовал всегда, с древнейших времен, будучи то в большинстве, то в меньшинстве, а порой, вероятно, превалировал здесь безраздельно.

Обычно это называют «двуаборигенностью» и данный термин всегда вызывал в сепаратистских кругах критику по формуле: «на одной территории двух аборигенов быть не может» (еще как может и таких примеров немало – вообще, понятие «одна территория» – искусственное, не существует территории, которая никогда не делилась на части). Абхазские ученые всегда бескомпромиссно пытались доказать, что территория между Псоу и Ингури (по крайней мере) всегда была исконно абхазской и ничьей больше. При этом особое значение придается выше рассмотренному, древнейшему периоду истории, поскольку «исконность» понимается, как изначальное владение.

Чего в такой ситуации должны ожидать заказчики от российского ученого, работающего на идеологическом фронте в условиях «холодной войны» с Грузией? Безусловно, в первую очередь – опровержения доводов противной стороны. Но какое из вышеприведен-

ных положений он опроверг? Всё, что следует из приводимых им, долго собираемых и взвешиваемых доводов, это то, что археологическая культура Колхиды не совсем однородна и в ней можно вычленивать локальные варианты, дающие основания для предположений (только предположений!) о проживании в некоторых регионах античной Колхиды некартвельских этнических групп.

Что на это можно ответить? А то, что представить себе территориально более-менее обширную археологическую культуру, которая была бы полностью однородной вообще трудно, если не невозможно. Тем более – на территории со столь разнообразным ландшафтом, как Кавказ. Данные культуры формировались и развивались на протяжении веков, охватывая территории с различающимися географическими, природно-хозяйственными, климатическими, внешнеполитическими и прочими условиями. Формировались они в условиях племенной разобщенности и замкнутости, которая едва ли могла быть полностью преодолена даже при наличии объединяющего несколько племенных общностей ранегосударственного образования. Ничего удивительного, если в подобной ситуации в единой материальной культуре выделяются локальные варианты, которые при желании можно объявить, как это и делает А. Скаков, «рядом самостоятельных, хотя и родственных культур», входящих в некую «культурно-историческую общность».

Этногенез – процесс сложный и представить изначально «этнически чистую» народность, без иноэтнических примесей, невозможно пожалуй, даже теоретически. Племена-носители той или иной археологической культуры, распространяясь по ойкемену, встречались с инородными группами, подчас интегрируя или полностью асимилируя их. Затем и в их исконный ареал могли вторгнуться и интегрироваться другие иноэтнические элементы. Но интеграция и ассимиляция – процесс двусторонний и материальная культура поглощаемого этноса также может оставить следы в культуре этноса-победителя или его части. Наконец, материальная культура входящих в единый культурный ареал племен должна испытывать и влияние соседних культур. Причем, испытывать в разной степени в разных своих частях, в зависимости от степени соседства и интенсивности контактов. К тому же, неоднократно упоминаемая выше интеграция

иноязычных племен не обязательно должна быть полной. Интегрируемые племенные группы вполне могут довольно долгое время сохранять свой язык, перенимая при этом материальную культуру своих соседей даже в большей степени, чем некоторые этнически более близкие последним, но географически более далекие племена той же культуры.

Вопрос об отношении культурной и языковой близости древних народов, как, кстати, отмечает и А. Скаков, – спорный и делать конкретные выводы здесь следует весьма осторожно. Известно например, что языки двух картвельских этнографических групп, некогда входивших и в ареал Колхидской культуры и в Колхидское государство – мегрелов и сванов, хотя и имеющие общий корень, по сей день достаточно сильно различаются и факт наличия в прошлом этой общей для них археологической культуры (как и в целом, последующего вхождения в единую грузинскую народность) несколько не мешает этому обстоятельству. В то же время восточногрузинские племена, по языку пожалуй еще более близкие мегрело-чанам (собственно колхам), чем сваны, в большинстве своем ни в ареал Колхидско-кобанской культуры, ни в Колхидское царство вовсе не входили, хотя часть их (в первую очередь месхов-мосхов) вероятно, была некогда под политическим влиянием колхов и даже жила вперемешку с ними, в конце концов колхизировались.

В такой ситуации принципиально исключать возможность проживания на каком-то этапе в отдельных областях древней Колхиды и более-менее воспринявших колхидскую материальную культуру некартвельских этнических групп столь же бессмысленно, как и в случае с любой другой этно-культурной общностью и не стоило здесь ломиться в открытые двери. Другой вопрос, есть ли возможность выяснить, где конкретно жили эти гипотетические инородные племена, кем они конкретно были и что с ними в итоге стало. Вот здесь и кроется самый интересный момент (главная неожиданность для наших абхазских коллег) умозаключений А. Скакова.

Пытаясь вычленивать внутри исторической Колхиды собственно колхскую этническую территорию он, вместе с центральной Колхидой, вдруг, взял да включил в нее и нынешний Сухумский район, а также, как минимум, часть Гудаутского (по крайней мере, район Эшеры, являвшейся по его мнению частью г. Диоску-

рии, на каком-то этапе даже её центром). Да ещё и плюс ко всему, и в районе нынешней абхазо-русской границы (т.е., бассейн р. Псоу) нашёл ареал проживания картвельских племен – мосхов, а нагорье севера и востока Абхазии («Джантухско-лариларскую культуру») при всех оговорках связал с «соанами» (сванами). И это в то время, когда племена кораксов и колов, которых абхазские ученые однозначно объявляют исключительно предками нынешних абхазов, автор вообще вынес за пределы Абхазии (и надо сказать, довольно убедительно)!

Теперь зададимся сакральным вопросом: так чья же была территория Абхазии в этот древнейший период истории? После всего вышесказанного, если и удастся вычленить где-нибудь в горах Абхазии уголок для потенциальных предков современных абхазов, то неизбежно встанет вопрос – как они туда попали и как сумели не только избежать асимилиации, но в итоге размножиться и занять всю Абхазию?

Гораздо естественнее будет предположить, что абхазо-адыгских племен на данной территории в тот период вообще не было и они пришли позже. Но когда и откуда пришли? Если уж предполагать наличие в ареале колхских племен каких-то инородных элементов, то гораздо увереннее можно говорить и о наличии в античную эпоху на Северо-Западном Кавказе (во всяком случае в его приморских районах) картвельского элемента. Л. Соловьев именно этим объяснял наличие здесь обильной свано-мегрельской топонимики. В этой связи обычно вспоминают упоминание Аррианом в районе Туапсе топонима Старая Лазика. Но есть и более конкретный, развернутый вариант, почему-то упорно не замечаемый исследователями: Аноним V в. (иногда называемый Псевдо-Аррианом, поскольку повторяет сведения Арриана, автора II в.) отмечал, что от Старой Ахеи (в 35 км. севернее Туапсе) до р. Ахеунта (нын. Шахэ), где в его время живет народ зигов, прежде обитали «иниохи (гениохи), кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы».

Нетрудно заметить, что из перечисленных народов по крайней мере три последние – явно картвельские. Происхождение остальных неясно, хотя исключать и их принадлежности к тому же этносу также нельзя. Напомним, что Арриан считается одним из наиболее надежных авторов, к тому же факт обитания

в данном регионе картвельских племен подтверждается самим наличием топонима Старая Лазика. Единственный этноним, который здесь можно более-менее уверенно причислить к абхазо-адыгской группе, это зиги (джики?), описанные как недавние пришельцы в Северо-Восточном Причерноморье, вытеснившие оттуда всех прочих. Победа над столькими исконными племенами региона становится понятной только, если предположить, что «зиги» – термин собирательный для большой группы племен. Не отражен ли в данном отрывке факт появления в Северо-Восточном Причерноморье абхазо-адыгских народов, вытеснивших более древнее население?

К сожалению неясно, к какому времени относится этот процесс. Напомним, что здесь речь идет не об Абхазии, где, следуя элементарной логике, абхазо-адыги должны были появиться еще позже. Ясно, что для автора это событие относительно недавнее, но кто этот автор? Аноним V в. или живший тремя веками раньше Арриан, сведения которого Аноним повторяет? Учитывая сохранившееся в тексте Арриана упоминание «Старой Лазики», а также - что появление «горской стихии» в Абхазии акад. Г. А. Меликишвили датирует рубежом н.э., вышеприведенный отрывок, свидетельствующий о наличии сложных миграционных процессов в соседних регионах Кавказа, скорее должен принадлежать самому Арриану. Но и эта, наводнившая Абхазию «стихия» (появившиеся в тот период в Абхазии апсилы, абазги и пр.) очевидно, должна была быть в основном частью не зигского объединения, а вытесненных им прежних обитателей Северо-Восточного Причерноморья, среди которых силен был картвельский элемент, так что появление абхазо-адыгов в Колхиде даже в это время – еще не факт. Эта сложнейшая проблема требует дальнейшего изучения.

Несколько слов в этой связи хотелось бы сказать и о крупных северных соседях Колхиды – гениохах. Мы уже говорили о неправомерности столь резкого разделения гениохов и колхов. Можно ли уверенно утверждать, что разница между ними была намного больше, чем, к примеру, между эграми и лазами? На наш взгляд, при определении этнического происхождения гениохов следует учесть, что источники подчеркивают разноплеменность гениохов, разное происхождение гениоховских племен. Это явно означает нечто большее,

чем просто деление на несколько племен, иначе то же самое можно было бы сказать практически о любом древнем народе. Исходя из этого, именно этноним «гениохи» (а не «колхи», как все время пытается доказать А. Скаков) правильнее считать собирательным для нескольких разноязычных групп, в определенной степени объединенных какими-то общими историческими преданиями.

Как известно, гениохских «царств» было несколько (предположительно – четыре). Вполне возможно, что эти «царства» были разноязычными. Кроме того, эти «царства» делились на «скептухии», из коих некоторые также могли быть иноязычными общинами. И если гениохи говорили не менее, чем на четырех языках, то после всего вышесказанного трудно представить, что в их число не входил какой-нибудь диалект собственно колхского (занского) и сванского языков. Оставшиеся два языка могли быть и картвельскими (картвельских языков и диалектов в то время, вероятно, было больше, чем сейчас) и абхазо-адыгскими и ирано-скифскими, но непосредственно соседствовали с колхами скорее всего колхоязычные гениохи.

И, несмотря на то, что гениохи в целом всегда входили в ареал колхидской археологической культуры (не этим ли вызвана была известная пассивность российских археологов в изучении их территории?), вхождение в разные политические структуры, вероятно, должно было стимулировать и некоторые различия в материальной культуре даже этих гениохов с собственно колхами. Исходя из этого, даже наличие того, что А. Скаков называет «бзыбской культурой» еще не гарантирует резких этнических отличий данного региона от остальной Колхиды. Этническое ядро гениохов (т.е., та группа, от которой название «гениохи» распространилось на остальные) первоначально могло быть и колхоязычным (мегрело-чанским) и сванским, и каким-либо еще. Традиционное, хотя и не бесспорное, представление о поэтапности заселения на протяжении всей бронзовой эпохи западного Закавказья поочередно адыго-черкесскими, затем сванскими и в итоге – колхскими племенами (которое, очевидно, разделяет и А. Скаков) говорит скорее в пользу сванов, поскольку, согласно вышеприведенной схеме, именно они должны были непосредственно предшествовать колхам на их земле. Однако это не означало сохранения данной группой какого-то

особого положения на протяжении веков.

Если между гениохскими «царствами» все это время и сохранялся какой-то политический союз, то гегемония, вероятно, неоднократно переходила от одного из них к другому в зависимости от ситуации. Все вышеприведенные данные не исключают, конечно же, того факта, что первоначальный регион формирования картвельского этноса лежал, очевидно, к югу от Главного Кавказского хребта, однако уже в античную (а судя по археологическим и мифологическим данным, и в бронзовую) эпоху протокартвельские племена были весьма существенно представлены и к северу от него.

Таково наше общее впечатление от публикации А. Скакова. Суммируя умозаключения российского ученого в двух словах, можно выделить следующие основные выводы автора: Колхидская (а тем более – Колхидско-кобанская) культура, как и последующая материальная культура Восточного Причерноморья, не вполне однородна, на основании чего нельзя исключать (как, впрочем, и утверждать), что отдельные ее варианты могут принадлежать этнически отличающимся от колхов племенным группам, в т.ч. и не картвельским. Собственно колхам, однако, принадлежала территория не только Мегрелии (междуречье Ингури-Риони), но и нынешней Абхазии, во всяком случае – ее центральные районы, включая Сухумский. В дальнейшем, в начале н.э., правда, колхи были существенно оттеснены на юго-восток, но вскоре сумели частично восстановить ситуацию, прочно утвердившись в восточной части нынешней Абхазии, а также аннексировав Апсилию и подчинив Абазгию. О границах последних, впрочем, уверенно ничего сказать нельзя, но и в конце античного периода ареал общего распространения абхазских (или считающихся таковыми) племен, даже включая интегрированную в Царство Лазов Апсилию, едва ли заходил намного юговосточнее Диоскурии. Во всяком случае, до Ингури не доходил.

В целом, изложенная в вышеприведенной статье концепция А. Скакова ближе всего примыкает к компромиссным взглядам, господствовавшим в советское время и худо-бедно устраивавшим обе стороны. Впрочем, тогда тоже были разночтения: абхазские историки, на словах не отрицая культурную, а возможно – и политическую близость населения Абхазии («колхов в широком смысле») с «собственно колхами» (мегрело-чанскими), все

же пытались представить это население, как абхазоязычный субстрат, а территорию Абхазии, соответственно – как исконную колыбель исключительно своего этноса. Вопрос об абхазо-грузинских этнических границах той эпохи обычно обходился стороной, хотя предполагалось, что они приблизительно соответствовали административным границам Абхазской АССР (правда, порой, намекалось, на что предки абхаз-адыгов были первопоселенцами не только территории нынешней Абхазии, но и всей древней Колхиды, во всяком случае, Восточного побережья Чёрного моря уж точно.

Грузинские же ученые напротив, полагали, что в этнический ареал «собственно колхов» входила во всяком случае весьма значительная часть нынешней Абхазии, хотя также старались не заикливаться на этом щекотли-

вом моменте. Какому из этих вариантов ближе концепция автора, предоставляем судить читателям. Нетрудно заметить, что целью наших комментариев была не столько критика отдельных положений автора (что было бы затруднительно сделать в полном объеме в рамках одной статьи), сколько констатация того факта, что концепция А. Скакова, если даже принять ее полностью, при объективном рассмотрении скорее подкрепляет традиционный грузинский взгляд на проблему, чем абхазский. Дело в том, что А. Скаков, надо отдать ему должное – профессионал, для которого профессиональная этика, очевидно, не является отвлеченным понятием и не дает ему (в отличие от его предшественника Ю. Воронова) полностью жертвовать объективностью в угоду конъюнктуре.

Литература:

- [1]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 49-50.
- [2]. Проблемы греческой колонизации Северного и восточного Причерноморья. Тб., 1978.
- [3]. Н. Берулава. Город Диоскурия-Себастополis в античную эпоху (VI в. до н.э.-III в. н.э.). Тб., 2022 (на груз.яз.).
- [4]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [5]. См. Г. Федоров, Л. Полевой. «Царства» Берибисты и Децибала: союзы племен или государства? Вопросы Истории, 1984, №7, с. 61-74; Т.Златковская. Племенной союз гетов под руководством Берибисты (Iв. до н.э.). ВДИ, 1955, №2, с. 73-91.
- [6]. См. История Средних веков, т.1. М., 1952, с.195-196.
- [7]. История СССР, т. 1, М., 1956, с. 73.
- [8]. Например, см. И. Я. Фроянов. К истории зарождения Русского государства. – Из истории Византии и византиеведения. Л., 1991.
- [9]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 61.
- [10]. М.Трапш. Труды, 2, с. 19, 27,54, 56, 223, 268 и др.; А.Каландадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, с.76.
- [11]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 64-65.
- [12]. Г. Шамба. К истории Абхазии в раннеантичную эпоху. Проблемы греческой..., с.341.
- [13]. Ю. Н. Воронов... Причерноморье в эпоху эллинизма. Тб., 1985, с. 460.
- [14]. Г.Лордкипанидзе. Колхида в VI-II вв. до н.э. Тб., 1978, с. 69-70.
- [15]. Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь, 2003.
- [16]. О подобных базах-катойкиях Митридата см.: М.Сопрыкин. История Понтийского царства. М., 1996, с. 313 и др.
- [17]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 64-65.
- [18]. М.Инадзе. Причерноморские города древней Колхиды. Тб., 1968, с.157-158.
- [19]. Д.Качарава. Г.Гиэнос в античную эпоху. Авториф. Канд. Диссертации. Тб., 1982, с. 32; Г.Лордкипанидзе, ук.соч., с.18.
- [20]. Г.Лордкипанидзе, ук.соч., с.45.
- [21]. Всемирная история, т.2, М., 1956, с.232-233, 626.

- [22]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 67.
- [23]. Г. Дундуа. Нумизматика античной Грузии. Тб., 1987, с. 33-37.
- [24]. Г. Дундуа. Грузинская нумизматика Тб., 2006 с. 45, с. 71-72 (на груз. яз); Г. Дундуа. Нумизматика античной Грузии. Тб., 1987, с. 42-55.
- [25]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 67-68.
- [26]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 68.
- [27]. Геродот. История. См., В.Латышев, ук. соч., с. 9.
- [28]. Помпей Трог. Введение к Филипповским историям. Латышев..., т. 2, с.63.
- [29]. Самый яркий пример – захват Пергама по «завещанию» Аттала III. См., К.Колобова. Аттал III и его завещание // Древний мир. М., 1962, с.553-554.
- [30]. Это особенно наглядно было продемонстрировано византийскими властями в I половине XI века, когда, получив подобные «завещания» от грузинских и армянских династий, Константинополь расширил свои владения на востоке присоединив Таойское царство Давида III-го куропалата, а также территории Васпураканского и Анийского царств. Об этом подробно см.: С. Т. Еремян. Присоединение Северозападных областей Армении к Византии в XI в. – Вестник общественных наук АН Армянской ССР, 1971, №3, с. 4-15; Р. М. Бартикян. К вопросу о политической ориентации Григория Магистра. – Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван, 1971, с. 63-72; В. П. Степаненко. О причинах и датировке передачи Васпуракана Византии. – Византийский временник, 38, 1977, с. 72-79; К. Н. Юзбашян. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. – Византийский временник. 1979, с. 76-95; В. П. Степаненко. К идентификации личности «Веста» «Матиане Картлиса». – Византийский временник, 41, 1980, с. 163-172; В. А. Арутюнова-Фиданян. Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Восток в X-XI вв. – Историко-филологический журнал, №2, 1978, с. 15. С. Toumanoff. The Background to Manazkert. – Proceedings of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies. London, 1968, с. 425; Ш. А. Бадридзе. Взаимоотношения Грузии с Византией и крестоносцами. Тб., 1984, с. 72 (на груз.); З. В. Папаскири. Возникновение единого грузинского феодального государства и некоторые вопросы внешнеполитического положения Грузии. Тб., 1990, с. 36-37 (на груз. яз.); З. В. Папаскири. От Давида до Давида. Из истории международных отношений Грузии. 70-е годы X – 80-е годы XI вв. Тб., 2001, с. 26-27 (<http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/29903/1/OtDavidaDoDavida.pdf>).
- [31]. А. И. Немировский. Понтийское царство и Колхида. – Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1980, с. 155; Т. Т. Тодуа. Колхида в составе Понтийского царства. Тб., 1990, с. 40-41;
- [32]. Страбон. ук. соч., с.157.
- [33]. К. Голенко. Аристарх колхидский и его монеты. – ВДИ, 1984, №4, с. 110-111.
- [34]. М.Инадзе. Древнеколхидское..., с.275.
- [35]. Д. Капанадзе, К. Голенко. К вопросу о происхождении колхидок. – ВДИ, 1957, №4, с. 95.
- [36]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 69.
- [37]. М. Ф. Высокий. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования. – Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XIV. Москва-Магнитогорск, 2004, с. 405.
- [38]. М. Высокий. Греческая колонизация Восточного Причерноморья..., с. 405.
- [39]. См. Н. Берулава. Город Диоскурия-Себастополис и район Сухумской..., с. 74-85.
- [40]. А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа. Древнейшие погребения Джантухского могильника. – Историко-археологический альманах. Вып. 9. Армавир-Краснодар-Москва. 2009. с. 17-27; А. Ю. Скаков. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Сборник статей к 100-летию со дня

- рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010. с. 48-67.
- [41]. М. Инадзе. Древнеколхидское общество. Тб., 1994, с. 271 (на груз. яз.).
- [42]. А. Скаков. ук. соч. с. 50, 72.
- [43]. Ю. Виноградов. Бронзовая плита с надписью из Вани. Приложение: Надпись на бронзе из Эшеры. – ВДИ, 1995, №3.
- [44]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 74-76.
- [45]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76.
- [46]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76.
- [47]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76
- [48]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 76.
- [49]. В. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 193-194.
- [50]. З. Папаскири. Абхазия и абхазы в общегрузинском этно-культурном и политико-государственном пространстве. Часть I. – Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических наук. Институт стратегических исследований Кавказа. Т. 2. Вып. 2, 2008. CA&CC Press®, Швеция, с. 129. – http://www.ca-c.org/c-g/2008/journal_rus/c-g-2/10.shtml.
- [51]. Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории Абхазов, с. 437.
- [52]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 36.
- Ещё акад. Н. А. Бердзенишвили считал «антиисторичным» утверждение об этнической однородности древней Колхиды и «колхов». См.: Н. А. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. Тб., 1990, с. 538 (на груз. яз.).
- [53]. Л. Соловьев. Диоскурия-Сébastополис-Цхум. – Труды Абхазского гос. музея. 1947. Вып. 1. Сухуми, 1947, с. 128.
- [54]. Арриан Фл. ОБЪЕЗД ЭВКСИНСКОГО ПОНТА, #28. В. В. Латышев. Известия ..., с.399-400.
- [55]. В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и римских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1890, с. 278.
- [56]. В. В. Латышев. Известия древних писателей..., с. 179, 276.
- [57]. З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 131-134
- [58]. Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории Абхазов, с. 117.

NODAR BERULAVA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

ON THE COVERAGE OF SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF ABKHAZIAN ARCHAEOLOGY IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary

In connection with such a categorical judgment, it would not be superfluous to remind A. Skakov that any early state unification, any emerging ancient nationality is consolidated around a dominant element, absorbing ethnically related and unrelated neighboring tribal groups. Ethnic monolithicity at this stage of development is almost always relative. It rarely happens that a foreign, foreign-language and comparatively small, but consolidated and passionate group becomes dominant in this process, which subsequently itself dissolves into the local ethnic group, but creates

state structures for it and even leaves its name after assimilation (for example, the Normans-Rus, Turkic Bulgars, Germans-Franks, etc.). But the Colchians are definitely not such a case. They were clearly the leading ethnic group in the Eastern Black Sea region both in terms of development and consolidation, and in terms of demographic indicators. And if A. Skakov tries to prove that the Kartvelian element was only one of many in the territory of the polyethnic Colchis in ancient times, then how can we explain the almost complete Kartvelization of the territory of present-day Western Georgia, and of Turkish Lazistan, in subsequent periods? When should it have happened? For us, however, it is more important that the author, despite all the reservations, judging by the context, still recognizes the Colchians as, if not the only, then still a very significant ethnic element in this region. At the same time, he does not deny that their possessions also included the center of present-day Abkhazia, the city of Dioscuria (in fact, according to all sources, Pitiunt was also included, but oh well). At the same time, he also admits that in the adjacent regions of Abkhazia and today's Krasnodar region lived, if not actually Colchian, then Kartvelian tribes of the Moskhs. To this we must add the Svans, who certainly always bordered the Zano-Colchians from the east, and therefore, the different versions of the highlands of eastern Abkhazia and the adjacent regions of Svaneti («Djantukh-Larilar culture» according to A. Skakov) are most logically attributed to them. He simply «transfers» tribal groups of unclear origin (Koraks, Koly) outside the borders of Abkhazia. That is, on the territory of Abkhazia there is practically no room left for the ancestors of the Abkhaz ethnic group, with the exception of the upper reaches of the Bzyb or, more accurately, the Bzyb-Psou interfluvium, and perhaps not completely (for example, it is noted that the Kartvelians-Moskhs live «on the border of Abkhazia and the Krasnodar Territory,» but it is unclear on which side of this border). If in the situation described above some Abkhaz-Adyghe tribe had wedged itself between the Colchians, Moskhs and Svans, then it would hardly have been able to avoid assimilation, and in a not very long time in historical terms (it should be remembered that the direct descendant of the Colchian language itself, Megrelian, is the easiest to study in this region, and in the competition of languages, especially unwritten ones, this is a very significant factor). But the author cannot give such examples and is forced to speak only hypothetically about the presence of the Abkhaz-Adyghe element even somewhere on the outskirts of Abkhazia. That is, all the tribes he noted on the territory of Abkhazia are either Kartvelian or of unclear origin, and the latter occupy only a very modest piece of today's western Abkhazia. As for the representatives of many dozens of multilingual tribes who came together at the beginning of the late antique period to trade in Dioscuria, who said that they all came from the territory of Colchis? Then a similar picture would have been not only in Phasis, but also in Gienos, Apsaros, Trebizond, etc., wherever there were Greek traders. Dioscuria, which lies outside the Phasis highway, was always oriented toward trade primarily with the north and after the destruction of Pitiunt, was obviously the closest convenient trading point for the entire Northwestern Caucasus. Moreover, this information already refers to another era, when the turbulent ethno-political processes in the Northwestern Caucasus at the turn of the century AD (the existence of which is also recognized by A. Skakov) undoubtedly increased the ethnic diversity of the region.

This is our general impression from A. Skakov's publication. Summarizing the conclusions of the Russian scholar in a few words, we can highlight the following main findings of the author: The Colchian (and even more so the Colchian-Koban) culture, as well as the subsequent material culture of the Eastern Black Sea region, is not entirely homogeneous, on the basis of which it cannot be excluded (as, incidentally, it cannot be asserted) that its individual variants may belong to tribal groups ethnically different from the Colchians, including non-Kartvelian ones. The Colchians, however, owned not only the territory of Megrelia (the Inguri-Rioni interfluvium), but also that of

present-day Abkhazia, or at least its central regions, including Sukhumi. Later, at the beginning of the Common Era, the Colchians were significantly pushed back to the southeast, but they soon managed to partially restore the situation, firmly establishing themselves in the eastern part of present-day Abkhazia, and also annexing Apsilia and subjugating Abazgia. It is impossible to say anything with certainty about the borders of the latter, however, but even at the end of the ancient period the area of common distribution of the Abkhazian (or considered as such) tribes, even including Apsilia integrated into the Kingdom of the Lazes, hardly went much further southeast than Dioscuria. In any case, it did not reach Inguri. In general, the concept of A. Skakov presented in the above article is closest to the compromise views that prevailed in Soviet times and more or less suited both sides. However, there were also discrepancies then: Abkhaz historians, while not denying in words the cultural, and perhaps even political, closeness of the population of Abkhazia (“Colchians in the broad sense”) with the “Colchians proper” (Mingrelians-Chans), nevertheless tried to present this population as an Abkhaz-speaking substrate, and the territory of Abkhazia, accordingly, as the original cradle of their own ethnic group exclusively. The question of the Abkhaz-Georgian ethnic borders of that era was usually ignored, although it was assumed that they roughly corresponded to the administrative borders of the Abkhaz ASSR (although, at times, it was hinted that the ancestors of the Abkhaz-Adyghe were the first settlers not only of the territory of present-day Abkhazia, but also of all of ancient Colchis, in any case, of the Eastern coast of the Black Sea for sure. Georgian scholars, on the contrary, believed that the ethnic area of the “Colchians proper” included, in any case, a very significant part of present-day Abkhazia, although they also tried not to dwell on this delicate point. We leave it to the readers to judge which of these options is closer to the author’s concept. It is easy to see that the purpose of our comments was not so much to criticize individual provisions of the author (which would be difficult to do in full within the framework of one articles), but rather a statement of the fact that A. Skakov’s concept, even if accepted in full, upon objective examination rather reinforces the traditional Georgian view of the problem than the Abkhazian one. The fact is that A. Skakov, to his credit, is a professional for whom professional ethics is obviously not an abstract concept and does not allow him (unlike his predecessor Yu. Voronov) to completely sacrifice objectivity for the sake of the situation.